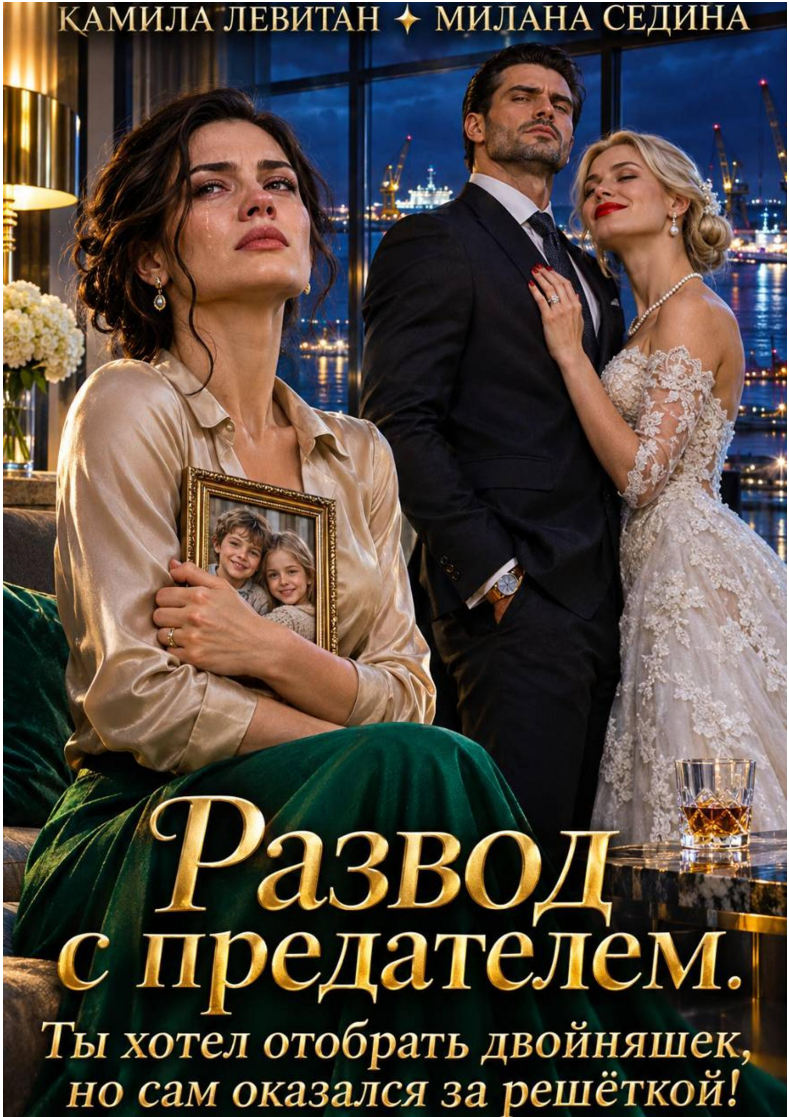

КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ МИЛАНА СЕДИНА
Развод с предателем.
Ты хотел отобрать двойняшек, но сам оказался за решёткой!

Камила Левитан
Милана Седина

Развод с предателем. Ты хотел отобрать двойняшек, но сам оказался за решёткой!

https://litres.ru/74730819
SelfPub; 2026

Аннотация

Муж привёл любовницу в наш дом в свадебном платье. А меня выставил за дверь — без денег, документов и права обнять собственных детей.

Артемий уверен: он купит суд, объявит меня безумной и опасной матерью и заставит отдать пароль от тайного криптокошелька. Но я знаю слишком много о его портовой империи и грязных грузах.

Единственный, кто готов помочь, — Кирилл Ридер, богатый конкурент мужа с холодными глазами и опасными правилами.

Чтобы вернуть двойняшек, мне придётся стать приманкой, разоблачить преступную схему и рискнуть сердцем.

Но что, если новый спаситель тоже привык держать женщин на поводке?

На этот раз я выберу свободу сама.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 29
Глава 5 35
Глава 6 42
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Камила Левитан, Милана Седина
Развод с предателем. Ты хотел отобрать двойняшек, но сам оказался за решёткой!

Глава 1

Парфюм Елены заполнил нашу гостиную. Сладкий запах лез в горло; я старалась дышать через рот, чтобы не выдать тошноту. Я стояла посреди гостиной, сжимая в руках тонкую папку с документами, пока Артемий Волков смотрел на меня так, будто я — не его жена, а случайно зашедшая в чужой дом бездомная собака. Его глаза, обычно холодные и расчетливые, сегодня горели от азарта хищника, загнавшего добычу в угол.

— Подпиши, Вера, — голос Артемия был мягким, почти ласковым, но от этой мягкости у меня сводило челюсти. — Дети уже спят у няни. Они не увидят сцены. Зачем портить

им жизнь?

Я посмотрела на часы. Было одиннадцать вечера. Двойняшки — Миша и Аня — засыпали ровно в девять. Няни никогда не было. Мы держали гувернантку только для уроков английского по выходным. Ложь была такой наглой, что она резала слух хуже скрежета металла.

— Где они? — спросила я, чувствуя, как подкашиваются колени.

— В безопасности. От тебя.

В этот момент из коридора донесся приглушенный плач. Не громкий, истеричный, а сдавленный, захлебывающийся. Звук, который узнает каждая мать во сне и наяву. Это были мои дети. И их держали в другой комнате. Под замком. Чтобы я не смогла забрать их прямо сейчас.

— Ты закрыл дверь? — выдохнула я, делая шаг к коридору.

Артемий даже не повернулся. Он лишь бросил взгляд на охранника, который дежурил у выхода из спальни. Тот сделал два шага навстречу мне, блокируя проход.

— Хозяин приказал, — пробасил охранник. Его лицо было каменным, ни капли сочувствия.

— Пропустите меня! Там мои дети! — крик вырвался сам собой, сорванный, жалкий.

Артемий резко развернулся. В его руке блеснул мой телефон. Он вытащил его из моей сумки раньше, чем я успела до нее дотянуться.

— Истеричка, — презрительно бросил он, глядя на экран, где светились пропущенные вызовы от моей сестры. — Ты можешь навредить себе или детям, если будешь звонить в полицию прямо сейчас. Отдай ключи от машины и подписывай бумагу о добровольном уходе. Или я вызову скорую психиатрическую помощь. Тебя увезут, а детей заберут органы опеки.

Он говорил это спокойно, как инструктаж по технике безопасности. Я знала его методы. Знала схемы доставки грузов, которые он протаскивал через таможню, используя мои связи. Знала, как он манипулировал людьми. Теперь он держал мой телефон, а за запертой дверью плакали дети.

Из окна спальни, которое выходило на балкон, послышался смех. Высокий, визгливый. Елена Громова появилась в дверном проеме балкона. Она была в свадебном платье. Белом, пышном, с кружевами, которые стоили больше, чем вся моя жизнь до встречи с ним. Шлейф волочился по полу, задевая детские игрушки.

Она смотрела на меня сверху вниз, как королева на подданную. В ее руках были детские носки. Грязные, мокрые, с пятнами от прогулки. Она небрежно швырнула их в мою сторону. Ткань ударила меня в грудь, оставив на шелке блузки темное влажное пятно. Я стряхнула носки с блузки. Елена усмехнулась: именно этой брезгливости она и добивалась.

Мой взгляд метнулся к столу Артемия, который виднелся в глубине комнаты. Там лежала папка. На ней красовались

свидетельства о рождении Миши и Ани. Рядом — проект договора дарения квартиры Елене. Дата: завтра.

Завтра квартиру подарят Елене. Свидетельства останутся у Артемия. Я буду стоять в приёмных с пустыми руками и доказывать, что я мать. Он уже всё подготовил. Доступ к криптокошельку, который он требовал вернуть ещё до этой ссоры, был нужен ему не для денег. Ему нужны были пароли. А дети... дети были заложниками.

Я сделала рывок к столу. Пальцы коснулись кожи папки. Холодной, гладкой, последней надежды.

Рука Артемия перехватила мое запястье. Боль была острой, внезапной. Он скрутил кисть внутрь, так, что хрустнули кости. Я вскрикнула, инстинктивно выпуская папку. Она упала обратно на стол, задев лампу. Свет мигнул, и тень Елены на стене стала похожа на крылья демона.

— Не трогай чужое, Вера, — шепнул Артемий, нависая надо мной. Его дыхание пахло мятой и ненавистью.

Но боль открыла глаза. Я запомнила приоткрытый сейф в кабинете. Ключи от машины и банковские карты лежали там. Он сильнее; второй раз к столу меня не подпустит. Пока он держал мою кисть, я старалась запомнить, что лежало в сейфе. Когда-нибудь он оставит кабинет открытым.

Артемий отпустил мою руку. Я осела на пол, хватая воздух ртом.

— Вынеси её, — сказал он охраннику.

Коридор заполнился звуками борьбы. Охранник схватил

мою сумку и вывалил содержимое прямо на коврик перед входной дверью. Косметика, книги, зарядка, мелкие безделушки — все рассыпалось по полу, смешиваясь с уличной грязью, которую внесли на подошвах.

Соседи начали открывать двери. Кто-то шипел, кто-то снимал происходящее на телефон. Мне стало стыдно до тошноты. Животная, первобытная стыдливость обнаженного тела перед толпой.

Старая женщина из соседней квартиры, баба Нюра, тихо вышла в пижаме. Она посмотрела на меня, потом на разбросанные вещи. Ее морщинистые руки быстро подняли с пола фотографию. Мою любимую. Миша и Аня в обнимку, смеющиеся. Баба Нюра незаметно сунула фото в карман моего пальто, которое висело на крючке рядом. Она не сказала ни слова. Просто кивнула мне. Я поймала её взгляд и кивнула в ответ. Она сберегла хотя бы фотографию. Сейчас я не могла даже сказать ей спасибо.

Дверь захлопнулась за моей спиной. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Я оказалась на лестничной клетке. Дождь барабанил по окнам подъезда. Я выбежала на улицу, не помня, как надела пальто. Мокрый асфальт ударил в ноги холодом. Капли били в лицо, смешиваясь со слезами, которые я не могла остановить.

Такси проезжали мимо. Один остановился, водитель опустил стекло.

— Куда едем?

— До детской больницы на Морской. Там есть приёмный покой. Мне нужно позвонить, вызвать помощь детям.

— Карта? Наличка?

Я потянулась за картой. Карты остались в сейфе. Деньги. Все счета заблокированы. Наличных у меня не было. Артемий не давал мне наличных на продукты, оставляя только карту, которую он мог контролировать удаленно.

— Извините, — буркнул водитель и закрыл окно. Машина тронулась, плеснув мне в лицо грязной водой из лужи.

Я проводила такси взглядом, сунула руки в пустые карманы. Даже добраться до больницы — и то не на что. За дверью дома остались и карты, и телефон, и дети. Я стояла посреди улицы, мокрая, дрожащая, с пустыми карманами и разбитым сердцем. Возвращаться в подъезд было страшно. Там были дети. Там был враг. Но снаружи не было ничего. Только ночь и дождь.

Я побрела назад к дому. Решив ночевать в подъезде, если пустят консьержи, или хотя бы под козырьком. Голова гудела. Мысли путались. Как найти документы? Как связаться с юристом? Как спасти детей от пневмонии, которая уже начиналась, судя по кашлю?

И тут я увидела машину. Черный внедорожник с затемненными стеклами, припаркованный у края тротуара. Фары были выключены, но внутри кто-то сидел.

Дверца открылась. Шагнула фигура в длинном темно-си-

нем пальто. Кирилл Ридер. Я видела его на собраниях инвесторов порта. Человек, который ломал хребты конкурентам без единого удара рукой. Инвестор из Швеции. Владелец конкурирующей судоверфи.

Он не подошел ближе. Просто стоял под козырьком, наблюдая за мной. Дождь стекал с его плеч, но он даже не моргнул.

— Ты знаешь схемы Волкова лучше, чем он сам, — сказал Кирилл. Его голос был низким, бархатным, но с металлическим оттенком опасности.

Я вздрогнула. Откуда он знает?

Кирилл сделал шаг вперед. Его глаза, серые как зимнее море, скользнули по моему лицу, задержавшись на синяке на щеке, который я получила, когда Артемий толкнул меня в дверь. Потом он посмотрел на папку, которую я инстинктивно прижала к груди, защищая от воды. Логотип «БалтТранса» был на обложке.

— И я знаю, что ты хочешь вернуть детей, — продолжил он. Никакого сочувствия. Только констатация факта.

— Помогите мне, — прошептала я. Слова вырвались сами собой, униженные, тихие.

Кирилл усмехнулся. Горько, цинично.

— В порту скоро будет аукцион списанных судов. Приходи туда. Если придёшь — я дам тебе шанс.

Он достал из кармана визитку. Простую, белую, с золотым тиснением имени. Он протянул её мне. Наши пальцы не

соприкоснулись. Он положил её на мокрые перила под козырьком.

— Если нет, — добавил он, и в его глазах мелькнула тень чего-то старого, глубокого, как дно океана, — завтра же они улетят в частную клинику, откуда их не выпустят без согласия отца. А отец, как ты знаешь, не любит платить за лечение тех, кого считает обузой.

Он знал про клинику больше, чем я. Успел узнать планы Артемия — и пришёл именно сейчас, когда я готова схватиться за любую протянутую руку. Мне хотелось спросить, откуда всё это. Вместо вопроса я смотрела на визитку.

Но у меня не было выбора.

Машина Кирилла завелась. Черный внедорожник медленно тронулся с места, растворяясь в потоке дождей и городских огней.

Я осталась одна. Под козырьком, в мокрой одежде, с визиткой в руке.

В голове звучал его голос: «Приходи. Или потеряй их навсегда».

Вода текла за воротник пальто. Я перевернула визитку тиснением к ладони, прикрыла от дождя: размокнет, и даже имени не останется. Во рту появился вкус крови. Я укусила язык, когда сдержала крик, который хотел вырваться из горла, расколоть небо. Боль отрезвила.

Я посмотрела на закрытую дверь подъезда. Там остались дети. Я ещё слышала их плач, хотя с улицы он не мог доно-

ситься. Хотелось бежать обратно, стучать, пока не откроют.

А впереди была ночь. И голод мести, который начал просыпаться во мне, холодный и твердый, как камень на дне моря.

Глава 2

К утру Артемий выставил детей вслед за мной. Охранник вывел их в подъезд, швырнул две сумки и мой старый телефон: «Забирай. Хозяин сказал, пусть сама попробует». Я успела обнять обоих раньше, чем дверь захлопнулась. Теперь могла хотя бы вызвать помощь — но стоять с ними под дождём больше нельзя было.

Общага воняла так, что хотелось вырвать: застарелым чужим потом, плесенью, въевшейся в обои, мазью для обуви и чем-то сладковатым, гнилым — как будто кто-то умер здесь неделю назад и никто не заметил.

Я стояла на пороге кабинета администратора «Приют», с двумя детскими сумками через плечо и телефоном в кармане. Аня висела у меня на руках, тяжелая, горячая, как печка. Миша цеплялся за подол моего пальто, его губы уже начали синеть, когда он пытался вдохнуть.

— Есть номер? — спросила я. Голос дрожал, но я старалась говорить четко. Бывшая стюардесса знает: интонация решает все.

Администраторша, женщина лет пятидесяти с поджатыми губами, смотрела в монитор. Я ждала, когда она хоть взглянет на Аню.

— Бронь есть?

— Нет, но…

— Тогда нет мест. Для вас, милочка, только койко-место в общем зале. Но там курят. И пьют. И дети ваши будут орать всю ночь. А мне платят за тишину.

— У меня дети болеют, — шепнула я.

Она наконец посмотрела. Её взгляд скользнул по моим растрепанным волосам, по дешевому пальто, по детским лицам. В глазах мелькнуло узнавание. Она знала Артемия Волкова. Его знал весь город. Все уже слышали, что жена капитана спала с кем попало или сошла с ума. Я узнала этот взгляд: прежде чем спросить, что случилось, человек уже верил Артемию. Хотелось закрыть детям лица от её любопытства.

— Пятьсот рублей за ночь, — отрезала она, бросив ключ на стол. — Без гарантий. Если соседи вызовут полицию из-за шума, выметаетесь сами.

Это была капля в море моих долгов, но это была единственная крыша над головой.

— До утра в долг, — сказала я. — Запишите мою фамилию.

Администраторша подвинула журнал, помедлив, отпустила ключ. Холодный металл обжег пальцы.

Комната пахла хлоркой и чужими обедами. Двухъярусная кровать скрипела под весом тела. Аня начала кашлять сразу, как только мы вошли. Не сухим лающим кашлем, а мокрым, булькающим звуком, который резал уши. Я положила её на нижнюю полку и села рядом, потому что ноги не держали.

Ночь стала испытанием на прочность. Аня металась в жа-

ру, сбрасывая одеяло, плача тонким, сдавленным голосом. Я искала в сумке жаропонижающее. Нашла. Просроченное полгода назад. Выбросила. Руки тряслись.

Аптечка осталась там. В квартире Артемия. На кухне, в шкафчике над плитой. Там же лежали документы детей, их страховые полисы, мои деньги. Всё то, что он забрал одним махом, оставив мне лишь одежду на себе.

Мысль позвонить ему казалась самоубийством. Он блокировал номера, если звонили слишком часто. Но кашель Ани стал свистящим, почти животным.

Я набрала номер. Ожидающий сигнал. Один раз. Два. Три.

Гудок прервался щелчком. Тишина. Потом голос Артемия, спокойный, бархатный, как всегда. Он не спрашивал, кто это. Он знал.

— Алло, Вера? — протянул он. На фоне слышались тихая музыка и смех. Живой, веселый смех Елены.

— Артём, Ане плохо, — выпалила я, чувствуя, как горло перехватывает спазм. — Высокая температура, задыхается. Мне нужны деньги на врача. Или полис. Пожалуйста.

Пауза была короткой, но бесконечной.

— Ты выбрала жизнь на улице, Вера. Теперь живи там.

— Это твои дети! — крикнула я, сорвавшись на визг.

— Мои дети находятся в безопасности, — ровным тоном ответил он. — А те двое, что ты таскаешь за собой, — это твой выбор. Твоя ответственность. И твоя ошибка.

— Артём, умоляю…

— Елена уже спит в нашей спальне, Вера, — сказал он мягко, почти ласково. — Не мешай людям отдыхать.

Гудки. Резкие, злые гудки отбоя.

Я сидела на полу общежития, прижав телефон к груди, слушая хриплый кашель дочери. Набрала скорую, назвала адрес; диспетчер велела ждать бригаду. Каждый шум в коридоре казался её шагами. Я снова посмотрела на имя Артемия в списке вызовов. Чуть не нажала: вдруг ещё раз, другими словами? Аня закашлялась, и я отложила телефон экраном вниз. Он слышал её. Всё слышал — и оборвал разговор.

Утро наступило серое, промозглое. Балтийский ветер выл в щелях окон. Миша кашлял так громко, что соседка снизу начала колотить в потолок шваброй. После ночного осмотра нам велели утром прийти в поликлинику; легче детям не стало.

Я схватила детей и побежала. Бежала к ближайшей государственной поликлинике, надеясь на чудо, на бюрократическую ошибку, на человеческое сострадание.

В регистратуре толпа. Запах мокрой шерсти, лекарств и отчаяния. Когда дошла очередь, я выставила перед врачом пустые руки.

— Полис ОМС, — потребовала медсестра.

— У меня нет полиса, — сказала я. — Дети без документов. Их отец…

— Тогда платите за прием. Платные услуги. Частный вызов скорой. Десять тысяч за выезд. Или пять за осмотр тера-

певта.

Я полезла в карман. Там было пусто. Абсолютно пусто. Ни рубля. Только крошки от вчерашнего печенья.

Врач, пожилая женщина в очках, посмотрела на Мишу, который сидел у меня на коленях, бледный, с открытым ртом, тяжело дыша. В её глазах мелькнуло сочувствие. Но она отвела взгляд.

— У нас тут плановый приём, без документов я вас не оформлю, — пробормотала она. — Идите в частную клинику. Или ждите скорую бесплатно. Но они едут долго. Очень долго.

Я вышла в коридор. Слушала, как дети задыхаются. Миша хватал воздух открытым ртом; я придерживала его спину, словно могла помочь вдохнуть. Надо было просить громче, остаться у кабинета, не уступать очереди. А я вышла, когда велели выйти.

Вернулась в общагу, чтобы собрать вещи. Нужно было уйти. Здесь становилось опасно: кашель распространялся, соседи жаловались администраторше, угрожая вызвать участкового.

На выходе меня встретил охранник. Крупный мужик с тупым, безразличным лицом.

— За порчу имущества, — буркнул он, показывая на осколок кружки, которая упала с тумбочки, когда я в панике хватала сумку. — Двести рублей.

— У меня нет денег, — сказала я тихо.

— Тогда платишь вещами. Или идешь в суд.

Я сняла ботинок и достала последнюю купюру из носка. О ней я не вспомнила даже у такси — и в регистратуре не показала: на приём всё равно не хватало, а детям нужно было хоть что-то поесть. Сто рублей. Половина суммы.

Охранник взял деньги, сунул в карман и молча распахнул дверь.

Улица встретила меня холодом. Ветер бил в лицо, пробирая до костей, выдувая последние остатки тепла из тела. Я шла к вокзалу, где были скамейки, где можно было усадить детей на колени и греть их своим телом, пока не станет совсем темно.

Сидели на лавке у перрона. Поезда уходили и приходили, шумели, пахли дизелем и железом. Аня уснула от изнеможения, её голова тяжело лежала на моей руке. Миша смотрел на меня стеклянными глазами. Он уже не плакал. Он экономил силы.

Рядом остановилась женщина с тележкой. Взгляд бегающий, одежда дорогая, но изношенная. Она присела рядом, положив руку на мое колено.

— Тяжело тебе, девочка, — прошептала она. — Есть выход. Быстрые деньги. Комната теплая, врач хороший. За услугу.

Я поняла, о чем она. Отвращение поднялось волной, тошнотворное, липкое. Я готова была продать себя. Готова была стать любой вещью, любым инструментом ради воздуха

в легких моих детей. Но страх сковывал тело: если я пойду туда, я потеряю контроль. Я стану той самой грязью, которой меня назвал Артемий. И что тогда будет с детьми? Кто их заберет? Социальные службы? Он не отдаст. Он использует этот повод, чтобы лишить меня прав окончательно.

Телефон в кармане завибрировал.

Я вздрогнула. Посмотрела на экран. Неизвестный номер.

Сообщение: «Я знаю, где вы. И я знаю, что вам нужно. Приходите по адресу. Один раз.»

Ни имени, ни подписи. Только адрес и строка: «Спросите Ридера». Бизнес-центр «БалтТранс». Штаб-квартира Артемия.

Сердце пропустило удар. Ловушка? Насмешка? Артемий хочет добить меня, показать свою власть, заставить ползать у его ног в присутствии сотрудников?

Но Аня издала звук. Хриплый, свистящий, как сломанная флейта. Кожа на её лице приобрела отчетливый цианотический оттенок. Я уже не могла утешать себя тем, что после ночного осмотра разрешили ждать до утра. Дыхание менялось на глазах.

Страх перед бывшим мужем побледнел на фоне страха потери детей. Я встала. Колени подгибались, мир качался.

— Погодите, — крикнула я женщине с тележкой, не оборачиваясь. — Мне нужно идти.

И побежала. К маршрутке. К бизнес-центру. К тому месту, которое должно было стать моим концом.

Глава 3

Лобби «БалтТранса» было стерильно белым и холодным. Консьерж посмотрел на меня с таким презрением, каким обычно смотрят на таракана.

— Мне нужен Кирилл Ридер, — сказала я.

Он удивленно поднял бровь.

— Он занят.

— Скажите ему, что пришла Вера Соколова. По поводу сделки.

Консьерж переглянулся с коллегой. Что-то в моем голосе, в блеске глаз, заставило его нажать кнопку на внутреннем телефоне. Через минуту вышел не секретарь, а высокий мужчина в идеально скроенном темном костюме. Кирилл Ридер.

Он выглядел старше своих лет, но двигался пластично, как хищник. Его глаза, светлые, почти прозрачные, оглядели меня от макушки до подола грязного пальто. Он задержал взгляд на детских лицах, потом на моих руках. Мне хотелось прикрыть Аню пальто, спрятать от этого осмотра; вместо этого я подняла голову и ждала.

— Вы пришли раньше срока, — сказал он. Голос низкий, с легким акцентом.

— Аня уже задыхается. Сын тоже заболел, — ответила я. — Вы сказали, дадите шанс. Я пришла. Помогите мне довезти их до врача.

— Знаю. Поэтому я здесь.

Кирилл повернулся и пошел к лифту. Я следовала за ним, чувствуя спиной взгляды персонала. Страх смешивался с дикой, почти истерической надеждой.

В кабинете на последнем этаже было тихо. Шум города заглушался стеклопакетами. На столе лежала папка с документами.

— Я не благотворитель, Вера, — сказал Кирилл, садясь в кресло. — И Артемий Волков не мой друг. Мы враги. Но у нас общий интерес.

— Какой?

— Его схемы. Серые. Черные. Те, которые вы вели годами, будучи его бухгалтерией и тенью. Вы знаете, куда идут грузы. Вы знаете, какие контейнеры не проходят таможню. Вы знаете пароли.

Я сжала кулаки. Сколько раз Артемий повторял: наши дела остаются в семье. Дети едва дышали, а я всё ещё ловила себя на этой дурацкой верности. Кирилл ждал ответа. Теперь за сведения можно было выторговать помощь.

— Что я получу взамен?

— Экстренную госпитализацию. Лучшую клинику в городе. Персонального врача. И жилье. Пока вы работаете со мной.

Кирилл протянул мне визитку из плотного, матового картона. На ней не было телефона. Только адрес клиники и фраза, написанная от руки черными чернилами:

«Клиника ждёт. Решайте сейчас».

Я посмотрела на эту надпись. Затем на свои руки, дрожащие, покрытые пятнами от грязи и холода. Затем в глаза Кириллу. Он следил, возьму ли я визитку, и молчал. Я могла войти в эту клинику только на его условиях. Артемий выставил меня за дверь; Кирилл открывал другую — но прямо говорил, что платить придётся работой и сведениями о муже.

Но у меня не было выбора. У Ани заканчивался воздух.

Я взяла визитку. Пальцы коснулись бумаги.

— Я согласна, — сказала я.

Кирилл чуть заметно кивнул. Он достал телефон и набрал номер.

— Отправьте машину к бизнес-центру. Заберите двух детей. В реанимацию. Немедленно.

Он повесил трубку и посмотрел на меня.

— Добро пожаловать в игру, Вера. Здесь правила пишут те, кто сильнее. И вы только что выбрали сторону.

После госпитализации я вернулась к Волкову за невыплаченной зарплатой. Кирилл оплатил спасение детей, но этого было мало: зависеть от каждого его решения я не хотела.

Дождь в этом городе не проходит, а въедается в одежду. Он пахнет мазутом, гнилой рыбой и чужой победой. Я стояла у служебного входа «БалтТранса», сжимая в руке пластиковый поднос с двумя стаканчиками кофе. Мои пальцы онемели от холода, но внутри горел жаркий, тошнотворный огонь стыда.

Охранник, здоровенный лоб с лицом как битый кирпич, преградил путь плечом.

— Прохода нет. Приказ генерального.

Я знала его имя. Денис. Три года назад я угощала его сигаретами на балконе их же офиса, пока Артём подписывал контракты. Тогда он называл меня «Вера Сергеевна» и заглядывался. Теперь во взгляде было только пустое равнодушие исполнителя.

— Мне нужно к Артемию Волкову. Это срочно, — голос дрогнул, предательски сорвавшись на визг.

— Сказано же: нет. Иди, тетка, пока не вызвали полицию за приставание к персоналу.

Полиция. Точнее, частная охрана, которая была хуже полиции. Они бы просто вывели меня, а я опять ушла бы без своей зарплаты. Перед глазами стоял Миша, каким я привезла его в больницу: хриплый, мокрый кашель, втянутые плечи. Аня тогда спала урывками, её кожа приобрела землистый оттенок. В кармане лежали счета за платные осмотры — ещё до того, как Кирилл вызвал машину в реанимацию. Тогда в государственной клинике меня отфутболили при слове «без прописки», а частную страховку Артём аннулировал первым же звонком после выселения.

Я сделала шаг назад, опустив голову. Капюшон куртки натянулся глубже.

— Кофе для переговорной, — буркнула я, имитируя интонацию курьера из соседней кофейни. — Заказ на два эс-

прессо. Номер 402.

Денис хмыкнул. Ему было лень проверять. Лень думать. Он посторонился на полшага, пропуская «невидимую» фигуру внутрь.

— Быстро шевелись, там инвесторы сидят, они нервные.

Я проскользнула мимо него, чувствуя спиной его взгляд, но не оглядываясь. Внутри пахло дорогим паркетом, кондиционером и кожей. Здесь не было сырости моей общаги. Здесь был стерильный мир тех, кто имел право дышать полной грудью.

Лифт привез меня на четвертый этаж. Коридор тянулся до конца, освещенный холодным светом LED-панелей. В конце коридора находилась переговорная. Дверь была приоткрыта. Голос Артёма лился оттуда, уверенный, бархатный, голос, который когда-то обещал мне вечную любовь, а теперь раздавал команды слугам.

Я толкнула дверь.

Комната была огромной. Стол из темного дерева, шесть человек вокруг. Артём сидел во главе, расстегнув верхнюю пуговицу рубашки. Рукава закатаны до локтей, часы блеснули золотом. Он говорил что-то о логистических цепочках, тыча указкой в проекцию на стене.

Он прервался на полуслове. Шесть человек повернулись ко мне; я вдруг услышала, как стаканчики постукивают о поднос в моих руках.

Мокрая куртка капала на дорогой ковер. Ботинки остав-

ляли грязные следы. Поднос в руках казался нелепым реквизитом из дешевой комедии.

Артём не изменился в лице. Ни тени удивления, ни капли узнавания. Он продолжил говорить, глядя прямо сквозь меня, будто я была пятном на стекле.

— ...как видите, маржа растет именно благодаря исключению посредников. То есть, устранению лишних элементов, которые тянут ресурс, но не создают ценности.

Он сделал паузу, наконец посмотрев на меня. Его глаза были серыми, как зимнее море перед штормом.

— Что такое? Курьер ошибся этажом?

— Артём, — я выдохнула это имя, как молитву, хотя оно горчило во рту. — Нам нужны деньги. На детей. Они болеют.

Слово «болеют» повисло в воздухе. Один из инвесторов, грузный мужчина в очках, отвел взгляд, почувствовав неловкость. Другой, молодой и циничный, усмехнулся уголками губ.

Артём поднялся и обошёл стол. Я стояла у двери и ждала, пока он подойдёт: отступать было некуда. Запах его дорогого одеколона ударил в нос, смешиваясь с запахом мокрой шерсти.

— Дети? — переспросил он тихо. Так тихо, что слышали только мы. — Какие дети, Вера? Ты хочешь сказать, те, которых ты бросила в сырой комнате ради своей гордости? Те, кого ты не можешь обеспечить даже базовым минимумом?

Я сжала зубы так, что заскрипели челюсти.

— Ты забрал документы. Ты заблокировал карты. Я не могу снять квартиру. Их лечат платно, потому что государственная очередь...

— Замолчи.

Он сказал это вполголоса. Я осеклась, будто всё ещё сидела с ним за ужином и дети могли услышать нашу ссору.

Он кивнул охраннику, который возник за моей спиной.

— Уберите мусор.

Но я не сдвинулась. Я шагнула вперед, поставив поднос на стол и протянув счета, которые достала из кармана. Бумажки дрожали в моих пальцах.

— Посмотри. Пожалуйста. Просто посмотри цифры. Мне нужен аванс. Зарплата за прошлый месяц. Ты должен был выплатить ее при увольнении, но ты этого не сделал. Это незаконно.

Артём взял у меня бумагу. Пробежал глазами. Лицо его оставалось каменным.

— Подделка, — сказал он, роняя листок обратно на стол. — Или ошибка в расчетах. Моя бухгалтерия знает свое дело лучше, чем бывшая стюардесса, которая привыкла разносить бутерброды.

В этот момент дверь переговорной резко открылась. Вошла Елена.

Она была прекрасна в своем агрессивно-дорогом стиле. Платье цвета бордо, идеально уложенные волосы, алые губы. Она остановилась, увидев меня, стоящую посреди комнаты,

мокрую, жалкую, с протянутыми руками.

Её лицо исказилось гримасой отвращения.

— Боже мой! Артём! Почему здесь эта... вещь? Она портит атмосферу! У меня сейчас важная встреча с партнерами из Роттердама, а тут какая-то бомжиха размахивает бумажками!

Артём не посмотрел на Елену. Он смотрел на меня. В его глазах плясали дьявольские искорки. Он медлил с ответом, давая Елене рассмотреть меня получше. Я стояла со счетами в руке и ненавидела себя за то, что ждала его разрешения продолжить.

— Елена, пожалуйста, — произнес он мягко, почти нежно. — Не мешай процессу. Я сам разберусь с этим... недоразумением.

Он повернулся ко мне и указал пальцем на пол, прямо перед порогом, в лужицу, натёкшую с моей куртки.

— Сядь.

Тишина стала абсолютной. Инвесторы замерли. Елена прикрыла рот рукой, чтобы скрыть злорадную улыбку.

— Что? — прошептала я.

— Ты просишь деньги. Ты унижаешься. Так давай доведем это до логического конца. Сядь на пол. Если ты хочешь быть услышанной, стань незаметной. Стань частью интерьера.

Я посмотрела на инвесторов: кто-нибудь остановит его? Мужчина в очках поправил дужку и опустил глаза. Мне

предстояло встать на колени перед ними — или снова уйти без денег, которые он мне должен.

Я посмотрела на его туфли. Полированная кожа отражала свет ламп. Потом на свои грязные ботинки. Внутри меня что-то оборвалось. Не надежда. Надежды уже не было. Осталась только звериная необходимость выжить.

Я медленно опустилась на колени. Холодный пол у порога обжег через ткань джинсов. Я чувствовала каждый свой нерв, каждый удар сердца.

— Вы очень убедительны, Вера, — заметил один из инвесторов сухо. — Но бизнес не строится на эмоциях.

Глава 4

Артём удовлетворенно кивнул. Он присел на корточки напротив меня, так что наши лица оказались на одном уровне.

— Хорошо. Ты научилась ждать. Теперь слушай.

Он достал из кармана брюк телефон. Экран светился зеленым значком криптокошелька.

— Ты помнишь пароль? Тот старый, который ты придумала, когда мы еще были вместе? Для резервного доступа к активам компании?

Я вскинула голову. Пароль. Тот самый, который он заставил меня запомнить пять лет назад, сказав, что это «страховка на черный день». Черный день настал. Но этот кошелек содержал не только личные средства. Там были транзитные платежи за списанные контейнеры, за которые никто не спрашивал. Там была грязь.

— Нет, — сказала я твердо, несмотря на то, что голос все еще дрожал. — Я не знаю пароля. Я никогда не знала. Ты всегда вводил его сам.

Артём рассмеялся. Коротко, зло.

— Врешь. Ты знаешь. Ты видела, как я его вбиваю. Ты умная женщина, Вера. Слишком умная, чтобы остаться нищей.

Он склонился ближе, его дыхание коснулось моего лица. Пахло мятой и табаком.

— Дай мне доступ. Сейчас. Прямо с этого телефона, если

он у тебя с собой. И я выпишу чек на сумму, которая решит все твои проблемы. Дети будут в лучших клиниках Европы. Ты будешь обеспечена до конца жизни. Просто... исчезни. Исчезни красиво.

Я полезла в карман куртки. Телефон был там. Старый, разбитый экран, но рабочий. Он был моим последним связующим звеном с внешним миром. С Кириллом. С надеждой.

Если я дам ему доступ, он уничтожит доказательства против себя. Или наоборот, даст мне возможность получить эти деньги легально? Нет. Это ловушка. Как только он получит ключ, он сотрет меня полностью. Я стану свидетелем, которого нужно устранить физически или юридически.

Я вытащила телефон. Артём протянул руку.

Его пальцы были длинными, сильными. Он ждал.

Я посмотрела на него. На Елену, которая уже начала фотографировать нас на телефон, чтобы отправить в чат подругам. На инвесторов, которые наблюдали за этим спектаклем с интересом исследователей муравейника.

Елена навела на нас телефон. В кадр попадала я на коленях перед протянутой рукой Артемия. Вот что останется от этой встречи, если я отдам ему пароль. Я убрала свой телефон от его пальцев.

— Лучше умру в канаве, — прошептала я, глядя ему в глаза. — Чем стану соучастницей твоих преступлений.

Лицо Артёма исказилось. Маска вежливости спала. Осталось голое, хищное бешенство.

— Смешно, — произнес он.

Резким движением он выхватил у меня телефон. Прежде чем я успела среагировать, он ударил его о край стола.

Звук был глухим, неприятным. Стекло треснуло, корпус погнулся. Экран погас.

Артём бросил остатки устройства мне под ноги. Я наклонилась и подобрала телефон, прежде чем охрана успела оттащить меня.

— Вон.

Двое охранников схватили меня под локти. Грубо, не церемонясь. Я попыталась вырваться, но их сила была несоизмерима с моей слабостью. Меня потащили к выходу.

Мы прошли через всю переговорную, минуя шокированных инвесторов (или делавших вид, что шокированы). Елена хихикнула, когда меня тащили мимо неё.

— Чистоплюйка какая, — бросила она вслед. — Даже вытереться не дал.

Нас выбросили наружу. Парадная лестница была скользкой от дождя. Охранники отпустили меня, и я полетела вниз, скатившись по ступенькам и кувыркнувшись в большую лужу у входа.

Вода была черной, маслянистой. Она проникла в одежду, в рот, в уши. Я лежала на животе, чувствуя вкус грязи и собственной крови. Я прикусила язык, когда падала.

Я попробовала встать на локти и снова опустилась в воду. Надо подняться, добраться до больницы, хотя бы узнать,

как дети. Несколько секунд я могла только дышать, глотая дождь.

Над головой открылась дверь. Артём вышел. Он поправил манжету рубашки, посмотрел на меня сверху вниз. Дождь размывал контуры его фигуры, делая его похожим на призрака.

— Знаешь, Вера, — сказал он спокойно, хотя шум улицы заглушал слова, но я читала по губам. — Я подал иск сегодня утром. Об ограничении родительских прав. Основания: ненадлежащие условия содержания детей, угроза здоровью, наркотическая зависимость матери.

Он улыбнулся. Широко, обнажая белые зубы.

— Суд примет мои доказательства. Ты не сможешь видеть их. Они будут жить со мной и Еленой. Мы воспитаем их правильно. Без этой... грязи.

Он развернулся и пошел обратно в здание. Дверь закрылась.

Я осталась лежать в луже. Дождь усиливался, барабаня по спине. Из окна четвертого этажа, которое выходило на фасад, донесся смех Елены. Он был пронзительным, веселым, жестоким.

Я плакала, вытирая с лица грязную воду. Телефон был разбит. Дети в больнице, а я не могла даже позвонить врачу и спросить, как они. Мокрый рукав размазывал грязь по щеке, сколько я ни тёрла.

И вдруг я почувствовала странное спокойствие.

Пока я лежала, мое внимание привлекло движение на первом этаже. Через прозрачные двери холла я видела стойку ресепшн. И на столе администратора, забытая, брошенная небрежно, лежала синяя папка. С такими папками я работала годами: синие обложки — грузовые декларации. Издали я узнала цветной корешок, но прочесть бумаги не могла.

Папка лежала на самом виду. Артемий даже не велел убрать её перед встречей с инвесторами. Меня только что швырнули в лужу — а папка спокойно лежала на стойке. До папки оставалось несколько метров и охрана у двери.

Внутри могли быть грузовые декларации, списки судов, имена получателей. Если там оставались исходные номера, их можно было сверить с тем, что я помнила.

Это был шанс найти компромат.

Я не смогла бы продать это сама. Я не смогла бы обратиться в полицию — они куплены, я знаю это по старым временам работы в порту.

Но я знала одного человека, который искал эти документы. Которому нужна была голова Артемия Волкова.

Я медленно поднялась. Ноги дрожали, но держали. Я вытерла кровь с губы тыльной стороной ладони, оставив красный мазок на щеке. Посмотрела вверх, на окно четвертого этажа, где горел свет переговорной.

А потом перевела взгляд в сторону переулка, ведущего к набережной.

Там, в тени, среди мокрых стен и ржавых труб, стояла фи-

гура. Высокая, неподвижная. Зонт был опущен, лицо скрыто, но я знала, кто это.

Кирилл Ридер.

Он видел, как меня выбросили. Достаточно, чтобы понять, чем закончилась встреча.

И он не подошел. Не помог. Не утешил.

Он просто наблюдал. Я не видела его лица и гадала: презрение? Жалость? Или восхищение той живучестью, которая заставляет крысу грызть собственные лапы, чтобы вырваться из капкана?

Я выпрямила спину. Дождь стекал по волосам, смешиваясь с грязью.

Я уже открывала рот, чтобы снова попросить помощи, но остановилась. Кириллу нужны бумаги Волкова. Мне нужны деньги и дети. На этот раз я начну с того, что могу ему дать.

Я сделала первый шаг навстречу тени.

Глава 5

Ветер на портовой свалке пах ржавчиной, солью и чем-то сладковатым — гниющей рыбой или старыми шпалами. Я стояла у кромки воды, где качалась на мутных волнах «Сирена». Моя яхта. Мой приговор. Когда-то я мечтала о капитанском мостике, а теперь смотрела на неё как на последний кусок хлеба для детей. Счета за лечение в больнице росли каждый день, а Артемий блокировал каждый мой шаг, превращая мою жизнь в пьесу для одного зрителя: Елены.

Администратор аукциона, жирный мужик в пропотевшей рубашке, даже не поднял глаз от телефона, когда я положила перед ним документы.

— Нет доверенности? Нет лота. Судно числится спорным имуществом. Волков подал заявку на возврат. Проваливай, дамочка.

Мои пальцы сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль была приятной. Она возвращала меня в реальность, где я всё ещё существовала.

— Это не спорное имущество, — процедила я сквозь зубы, доставая из кармана потрёпанную папку. — Вот свидетельство о праве собственности через наследование после смерти первого владельца. Подписи нотариуса. Печать порта. Читай вслух, если глаза слепые.

Толпа вокруг загудела. Шёпоток пробежал по рядам, как

ток. Администратор поморщился, но взял бумагу. Он ещё раз проверил печать, потёр большим пальцем край листа. Я придвинула папку ближе: пусть читает и остальные страницы, если на первой не нашёл предлога отказать.

И тут раздался смех. Высокий, звонкий, нарочито громкий. Елена Громова появилась из-за спин охранников, словно призрак в дорогом пальто. Её губы были накрашены той же красной помадой, что в ночь, когда меня выгнали.

— О, Вера! Ты здесь? А мы думали, ты уже умерла от холода под мостом.

Она прошла вдоль борта «Сирены», проведя рукой по облезлой краске корпуса.

— Боже, какая мерзость. Деревяшка, пропитанная мочой пьяных матросов. Артём предлагал купить это за копейки, чтобы пустить на дрова. Но знаешь, Вера... — она повернулась ко мне, и её глаза сверкнули хищным блеском, — ...если ты не согласишься продать мне этот хлам прямо сейчас, за символическую сумму, мой муж подаст иск о краже имущества. Тебе придётся доказывать, что ты не воровала собственную жизнь.

Я почувствовала, как кровь отлила от лица. Она знала. Она знала про долги, про больницу, про то, что каждый час без кислорода убивает моего сына. Она ждала, когда я спрошу сумму. А я уже прикидывала её против больничного счёта и от этого злилась ещё сильнее.

— Уйди, — тихо сказала я.

— Или что? Ты мне угрожаешь? Нищей сумкой? — Елена рассмеялась, и этот звук ударил меня по ушам больнее пощёчины.

Аукцион начался формально, но никто не поднимал рук. Мужчины в толпе смотрели на меня с жалостью, смешанной с похотью. Для них я была частью экспозиции: «Разведенная жена капитана, торгующая барахлом». Один из них, крепкий портовый рабочий с запахом перегара, бросил в чашку для чаевых монету. Звякнуло.

— На хлеб, киса, — гоготнул он.

Всё внутри меня оборвалось. Холод пронизывал кости, голод сжимал желудок, но ярость была горячей. Я схватила монету, чувствуя её ледяное острие на кончиках пальцев, и швырнула обратно в лицо мужчине.

— Купи себе совесть, если найдешь! — крикнула я, и голос сорвался на визг.

Монета упала у его ботинка. Рабочий вытер щёку, удивлённо моргая; я ждала, не бросится ли он на меня, а вокруг перестали смеяться. И тогда я почувствовала взгляд. Тяжёлый, давящий, как анкерная цепь. Из дальнего угла, откуда-то из-за штабеля металлолома, на меня глядел человек в сером деловом костюме. Кирилл Ридер.

Он подошёл молча. Его туфли ступали по грязи так аккуратно, будто там лежали ковры. Он не смотрел на Елену, которая побледнела, увидев его. Он смотрел только на меня.

— Схема доставки грузов, пять лет назад, — сказал он

низким бархатным голосом, который заставил меня вздрогнуть. — В документах рядом с «Сиреной» были не только яхтенные запчасти. Ты знаешь, куда шли контейнеры с маркировкой «медикаменты».

Я инстинктивно отшатнулась. Опасность. Чистый, незамутнённый запах опасности. Этот человек знал слишком много.

— Откуда вы...

Кирилл положил на ржавый борт яхты визитку. Белая бумага контрастировала с грязью.

— Я знаю, что ты знаешь. И я знаю, что тебе нужны деньги на кислород для сына. Завтра в восемь. Мой офис. Или наша сделка закончится на оплате реанимации. Выбор за тобой, Вера Соколова.

Он развернулся и пошёл прочь, оставив меня дрожать посреди свалки.

Я стояла там ещё десять минут, глядя на свое отражение в тёмной воде. Голод крутил живот, страх парализовал ноги. Ловушка? Может быть. Но альтернативы не было. Телефон, который удалось снова включить после удара, завибрировал в кармане. Сквозь трещины на экране я различила имя врача из реанимации.

— Алло?

— Вера Сергеевна, дочери пока требуется кислород. Счёт превысил оплаченный лимит. Нам нужно обсудить дальнейшее лечение и оплату...

— Я буду. Я найду деньги, — перебила я, и голос звучал чужим, механическим.

Врач ещё что-то говорила, но я смотрела на визитку Ридера. Кислород нужен сегодня. Я уточнила время, к которому надо внести деньги, и положила телефон в карман.

Я направилась к выходу с территории порта, сжимая визитку так, что углы врезались в кожу. Но путь преградила охрана Артемия. Двое крупных парней в чёрных куртках перекрыли проход.

— Стоять. Проверка сумок. Подозрение на кражу документов компании.

Один из них грубо схватил меня за плечо, повалив на колени в грязь. Холодный металл незастегнутых наручников коснулся запястья. Мир поплыл перед глазами. Я хотела закричать, но горло перехватило.

— Руки вверх! Быстро!

И тут раздался звук мотора. Дорогой автомобиль остановился вплотную к охране, блокируя им обзор. Окно опустилось. Кирилл Ридер не вышел из машины. Он просто посмотрел на охранников. Его глаза были холодными, как дно Балтики.

— Иван. Сергей, — назвал он их имена. Голос был тихим, но от него у охранников слабели колени. — Вы знаете, кто стоит за вашей зарплатой. Знаете, кто может уволить вас через акционеров «БалтТранса» одним звонком. Отпустите женщину. Сейчас.

Парни замерли. Они узнали его. Узнали того, кого боялись больше самого Артемия. Медленно, как во сне, они разжали руки.

Кирилл закрыл окно. Машина тронулась, оставляя позади облако выхлопных газов и влажную землю. Я сидела в грязи, задыхаясь от страха и облегчения одновременно.

Через час я уже сидела в салоне автомобиля Кирилла. Пахло кожей, дорогим табаком и морозом. Тишина в машине была такой плотной, что звенело в ушах. Кирилл молчал, глядя на дорогу. Я не смела говорить. Каждое движение его руки на руле казалось мне подготовкой к прыжку.

На светофоре он протянул руку за бутылкой воды, и манжета пиджака задралась. На его запястье блеснула татуировка. Якорь, пробитый стрелой, и вокруг него — осколки стекла, образующие форму сердца.

Моё сердце пропустило удар.

«Святой Николай». Такой якорь был на эмблеме затонувшего теплохода. Я видела его в старых страховых делах Артемия. Почему Ридер выбрал этот знак?

Я смотрела на якорь, пока Кирилл убирал бутылку. Он носил эмблему погибшего экипажа на коже. Я могла привести его к бумагам Артемия. Что он сделает потом, ещё предстояло узнать — и это пугало сильнее самой сделки.

Машина резко затормозила у подъезда элитного дома в центре города. Фасады зданий здесь были чистыми, окна светлыми. Другая вселенная.

Кирилл повернулся ко мне. В полумраке салона его лицо казалось высеченным из гранита.

— Завтра ты будешь жить здесь. Но имей в виду, Вера: я не спасательный круг. Я топор. И если ты ошибешься, я рублю по живому.

Он протянул ключ от квартиры. Металл был ледяным, как обещание, которое нельзя забрать обратно.

Глава 6

В коридоре бизнес-центра тянуло от входной двери, пахло хлоркой и пылью. За стеклом ресепшена было теплее. Сотрудники проходили мимо нашей скамьи, отводя глаза, едва я поднимала голову. Я прижимала к себе Аню и Мишу так крепко, что их маленькие тела казались частью меня. После выписки они ещё быстро уставали и задремали на скамье; я села между ними, обняв обоих. Вспоминала общагу, ту ночь с кашлем, и боялась туда вернуться. Мои пальцы онемели, костяшки побелели от напряжения, но я не разжала руки. Не сейчас.

— Мистер Ридер занят, — голос охранника был ровным, как бетонная стена. Он даже не смотрел на детей, только на мои грязные ботинки и растянутую куртку. — И он не принимает случайных людей. Пройдите через служебный вход и оформите пропуск. У вас есть пропуск?

Я усмехнулась. Смешно до тошноты. Артемий забрал у меня всё: счета, документы, квартиру, надежду. Но он забыл забрать мою память. Или, может быть, считал, что она бесполезна без денег.

— У меня нет пропуска, — сказала я тихо, чтобы не разбудить дочь рядом. — Но у меня есть кое-что получше.

Охранник вздохнул, делая шаг навстречу, чтобы оттеснить меня назад, в тень. Его ладонь потянулась к моему пле-

чу, грубая, уверенная в своей власти. Я отшатнулась, теснее прижимая к себе детей. Ещё одна рука на плече — и меня опять выставят наружу. Сколько можно. Медленно, стараясь не дрожать, я достала телефон. После удара о стол экран был весь в трещинах, но телефон ещё работал. Я набрала номер с визитки, которую Кирилл Ридер оставил на борту «Сирены».

— Позвольте, — сказала я, игнорируя охранника. Нажала вызов. Гудок длился ровно один раз.

Голос в трубке был низким, бархатистым и абсолютно равнодушным.

— Да.

— Вера Соколова, — выговорила я четко, чувствуя, как горло сжимается от волнения. — Вы сказали, что слушаете только факты.

Пауза. Охранник замер, ожидая, что я скажу что-нибудь глупое или заплачу.

— Слушаю, — ответил Кирилл. В его интонации звенела сталь. — Зачем вы пришли сюда, Вера? Если у вас нет ничего, кроме слезливых историй о том, какой ваш бывший муж сволочь, поверните назад. Мне нужны доказательства, а не жалобная книга.

Мои зубы скрипнули. Артемий учил меня ненавидеть слабость. Теперь я использовала эту ненависть как топливо.

— «Святой Николай», — произнесла я в трубку. — Третье мая. Двадцать лет назад. По архивам, которые я вела, судно

исчезло из порта через две недели после регистрации груза. Таможня закрыла глаза, потому что груз был сертифицирован под кодом «77-Альфа». Этот код знала только бухгалтерия. И я.

В трубке умолкло даже дыхание. Я прижала телефон крепче и ждала ответа; рядом по-прежнему гудела вентиляция. Я видела, как дернулся кадык охранника.

— Код контейнера, — продолжала я, глядя на охранника, хотя говорила с Кириллом. — Вы хотите проверить его? Или мне уйти и оставить вас с пустыми руками?

— Через неделю, — голос Кирилла стал тише, но жестче. — Приходите в понедельник. К десяти.

Он повесил трубку.

Я опустила телефон. Руки дрожали, но внутри вспыхнул крошечный огонек злости. Неделя. Детям требовалось продолжать лечение после выписки, а он предлагал неделю ждать. У меня была неделя до того, как Артемий найдет способ лишить меня родительских прав окончательно. Я не могла ждать. Слова не работали. Ему нужно было увидеть меня не просительницей, а игроком.

Разбудив детей, я помогла им слезть со скамьи и взяла обоих за руки. Мы сделали два шага от лифта, в холодный коридор, и остановились. Затем медленно повернулась обратно. Охранник ждал моего ухода. Вместо этого я прошла мимо него, толкнула тяжелую стеклянную дверь ресепшена и направилась к лифту, который все еще стоял на этаже.

— Куда вы?! — крикнул охранник, наконец очнувшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.